

О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Фрай, Макс

Ф82 О любви и смерти/Макс Фрай — Москва: Издательство АСТ, 2023 — 256 с. — (Миры Макса Фрая (илл. Фerez)).

ISBN 978-5-17-137583-6

О любви и смерти людям неизвестно почти ничего. Даже точного определения любви не существует, каждый понимает это слово по-своему. А точное определение смерти, конечно же, существует, но кому от этого легче, если мы всё равно понятия не имеем, что будет потом. Только гипотезы, которые можно принимать на веру. А можно не принимать. Поэтому говорить о любви и смерти совершенно бессмысленно — как можно говорить о том, чего не знаешь?

Но говорить о чём-то, кроме любви и смерти, бессмысленно вдвойне. Потому что любовь и смерть — самое важное, что случается с человеком на этой земле.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137583-6

© Макс Фрай, текст, 2023
© Екатерина Фerez, илл., 2023
© ООО «Издательство АСТ»,
2023

СОДЕРЖАНИЕ

Кот Елены	6
Гэшечка	15
Требуется чудовище	30
Глаза козы	63
Брат	73
Сказки про атамана Щуся	86
Стрэнжырз инзынайт	101
Это я	126
Утренняя гимнастика	132
Царская весна	135
Давай ты все-таки будешь	144
Капуста!	162
Прокрастинатор	175
Ссылный пятнадцатый принц	193
Кайпирина сердца	207
Море белого цвета и шифер, летающий с крыш	240

КОТ ЕЛЕНЫ

Елена (говорит, мечтательно улыбаясь):
— Кот, котище, котенок серый мой, сладкий, иди скорее сюда, я тебе все расскажу, потому что с людьми подобное не обсуждают, а если стану молчать, порвусь, как рвется мешок из тонкого полотна, до краев заполненный золотом. Котик, мудрец мой лукавый, слушай: приснилась мне нынче сама Афродита, богиня цветущая, в венке из нарциссов и роз, она была весела, грызла яблоко, и мне дала откусить — слаще не ела плодов. Сестрой называла, сулила такую любовь, ради которой любая богиня согласится спуститься на землю с Олимпа, да их сюда не зовут, вернее, зовут не за тем. И сердце — слышишь, пушистый? — сердце мне говорит, это был вещий сон. Посмотрим теперь, что выйдет.

Кот (думает):

Какие все дураки! Тоже мне радость — сон ей приснился. Знаю я цену снам. Сам не ленюсь каждую ночь сниться птице, которую завтра

поймаю. Лащусь к ней и сулю, что это только начало нашей прекрасной дружбы. Все это для того, чтобы, увидев меня наяву, глупая птица замешкалась, сиюсь вспомнить, где мы встречались прежде, вопрошая себя, почему ей так мил мой облик, заранее радуясь смерти, которую обретет, оказавшись в моих когтях. А ты говоришь — богиня. Знаю я ваших богинь, не могут толком умыться и не мурлычат, даже когда исполнены нежности, а все же умны как кошки и тоже всегда на охоте, даже когда сыты. Вот и думай теперь, сладко ли живет тем, кого они заприметили и записали в любимцы; впрочем, ты все равно не поймешь, лучше мне промолчать.

* * *

Елена (говорит шепотом, взволнованно):

— Котик мой милый, послушай, на девяти кораблях прибыли гости. Их предводитель прекрасен, как закат, пылающий перед прозревшим слепцом, как первый глоток воды после жаркого дня, как сон выздоравливающего ребенка, как вечная юность, которую боги даруют своим любимцам. И если бы мне велели вот прямо сейчас выбирать между полной чашей нектара и его поцелуем, взяла бы прикосновение губ, не колеблясь, и не жалела бы никогда, даже став древней старухой, пешком бредущей в Аид с котомкой, полной прохудившихся воспоминаний.

Кот (думает):

Какие все дураки. Как человек может быть лучше воды или солнца? Не светится ночью и жажду не утолит, сколько с ним ни целуйся. Что проку от человека? Разве только еду принесет и погладит, но для этого есть Менелай, с ним нам славно живется, и ты была весела и сыта до сих пор. Зачем тебе этот другой? Что проку в его красоте? Да и где там та красота? Красивых людей, если начистоту, вообще не бывает. Просто некоторые из вас чуть менее уродливы, и это почему-то приводит остальных в экстаз. Взять, к примеру, тебя — все кричат: «Прекрасна, прекрасна», — а ведь будь ты кошкой, за тебя даже я не стал бы драться. И вовсе не потому, что не ценю твое расположение, просто повода не случилось бы, вряд ли еще какой-нибудь кот, находясь в мало-мальски здоровом уме, мог бы тебя возжелать.

* * *

Елена (говорит, не размыкая губ, чтобы никто не услышал ни слова):

— Котик мой серый, золотоглазый, ты спишь и не знаешь: мне страшно, как не было никогда, потому что Парис, любовь моей жизни, рядом с которым умру хоть сейчас, если он пожелает, просит меня с ним уехать, вернее, бежать — отсюда, из Спарты, из дома, в полную неизвестность, и я даже не знаю, чего боюсь больше — что соглашусь, обезумев, или что он передумает, скажет: «Ладно, не хочешь — не надо, поеду один».

Кот (думает, очень громко и выразительно, так что под конец Елене начинает казаться, будто она его явственно слышит):

Какие все дураки. Зачем куда-то бежать? Хочешь Париса — возьми его и насладись, пока мужа нет дома, и помешать он не может, драку затеяв. Я бы так поступил и тебе советую, да ты не слушаешь, я тебя знаю. Ладно, делай как хочешь, но если все же решишься уехать, меня с собой заberi. Менелай не любит меня, только терпит. Выгонит за порог, не станет кормить, если ты убежишь.

* * *

Елена (говорит, сонно потягиваясь):

— Кот мой, царь всех котов, друг мой верный, мой мудрый советчик, я была неразумна, когда убежала из дома с первым встречным красавцем, царским сыном, медведицей вскормленным пастухом, золотоглазым, как ты, ласковым, как вечернее море. Я была неразумна как тысяча дур, но знаешь что, кот? Ни один мой разумный поступок до этого дня не дарил столько счастья, сколько этот неосмотрительный глупый побег.

Кот (думает):

Какие все дураки. Вас послушать, так делать, что хочется — глупость. Что же тогда разумно? Покорно брести, куда тебя гонят, делать то, что велят? Впрочем, я зря столь серьезно отношусь

к твоим словам, вечно упускаю из вида, что вы, люди, часто говорите то, что вовсе не считаете правдой, причем даже не с хитроумной целью ввести собеседника в заблуждение, а просто так, желая избавиться от избытка звуков, скопившихся у вас во рту.

* * *

Елена (говорит встревоженно):

— Слушай, котик, серый мой храбрый котиче, я надеялась, что Менелай проклянет меня и забудет, положившись на волю богов, которые сами склоняют людей к вероломству и сами нас строго карают. Но не вышло, дружочек мой кот, он-то, может, и проклял, но забыть не забыл и отправился в путь — не один, а с братом и всеми царями, которых когда-то клятвой связал мой отец, с ними сто тысяч воинов, готовых сражаться, с кем скажут, не задавая вопросов, лишь бы меч обнажить. Больше тысячи греческих кораблей собрались у берегов Эвбеи, и пока мы с тобой тут сидим, наслаждаясь вечерним солнцем, больше тысячи бед приближаются к нам. Отменить их нельзя, разве только отсрочить. Да и то ненадолго.

Кот (думает):

Какие все дураки. Сто тысяч воинов, скажите пожалуйста! Зачем они тут нужны? Какое им дело, кого целует Елена, с кем она засыпает, кому говорит: «люблю»? Нам тоже, конечно, случа-

ется подражаться, не поделив кошку, но пока двое сражаются, остальные держатся в стороне, потому что какая им разница, кто победит? И какая выгода в том, чтобы принимать чью-то сторону? Этого я никогда не пойму.

* * *

Елена (говорит сквозь слезы):

— Друг мой кот, славно мы жили, но теперь закончилась радость, пришли наши горькие дни. Долго плутали ахейцы в морях, а все же добрались до нас. Лагерем встали они на равнине под стенами Трои. Приходили сегодня послы, мой муж и с ним какой-то глазастый хитрец, велели выдать меня, сказали, тогда не будет войны. И я, милый кот, согласилась. Потому что Парис — любовь моей жизни, свет, наполняющий сердце, воздух, которым дышу, слишком большое счастье, чтобы платить за него кровью других людей. Своей — еще соглашусь, горько, но справедливо. Поэтому я сказала: ладно, отдайте меня. Если мне повезет, Менелай убьет меня сразу, тогда унесу с собой все наши ночи и дни, ни одной позабыть не успев, с ними легко уходить. Но Приам и его сыновья отказались меня отпускать, сказали: даже не думай, ты нам теперь родня, не отдадим никому. Поэтому, серый мой, звонкий мой ласковый кот, будет война — из-за меня, ты подумай. Слишком горькая правда, лучше ее не знать. Но я, так случилось, знаю.

Кот (думает):

Какие все дураки. И ты, Елена, не лучше прочих. Сладко быть виноватой? Так и скажи. Но лучше сядь и подумай. Ты не причина, а повод будущей долгой войны. Боги скучают, боги хотят играть, и все эти ваши ахейцы, троянцы, спартанцы, стрелы и корабли, цари и герои, воины и рабыни — просто цветные клубки запутанной пряжи; кинь мне, кстати, один, я тоже давно не играл.

* * *

Елена (говорит устало):

— Котик бедный мой исхудал, слишком долго длится осада, на шесть долгих лет затянулась война, и конца ей не видно, нечем стало тебя кормить. Поделюсь своим молоком, но ни сладких сливок, ни дичи, ни рыбы морской, ни куриной печенки сами давно не ели, и для тебя их нет, прости меня, мой пушистый, совсем плохая хозяйка, ты этого не заслужил.

Кот (думает):

Какие все дураки. Нашла о чем волноваться. Подумаешь — сливок нет! А рыбу я не люблю, всегда ел ее без охоты, желая тебе угодить. В общем, не ной. Забыла, что я охотник? Пойду мышей наловлю, наемся сам до отвала и для тебя с Парисом оставлю одну на пороге. Ладно, ладно, шучу, знаю, мышей ты не ешь, но птицу

небось ощиплешь и сваришь, если тебе принесу? Вот и договорились. Мне будет приятно стать старшим в семье — тем, кто приносит еду.

* * *

Елена (говорит голосом, потемневшим от горя):

— Серый мой друг, одинокий, как хаос, спокойный, как космос, веселый, как боги, безжалостный ласковый воин, старый мой кот, все закончилось, умер Парис. А мое тело живо, не желает оно каменеть, не сгорает от горя, не рассыпается пеплом, не утекает в землю, как дождевая вода, готово вдыхать, выдыхать, есть и пить, заниматься любовью — без него, а значит, без смысла, и это нечестно, неправда. Я — неправда. Притворяюсь живой, а меня больше нет, потому что умер Парис, и жестокосердные боги не желают его воскрешать. Перерезана нить, погашено солнце.

Кот (говорит человеческим голосом, твердо зная, что Елена его не услышит):

— Какие все дураки. Так скорбят об умерших, словно сами здесь навсегда. Опомнись, Елена. Что с того, что умер Парис? Я тоже однажды умру. И ты умрешь — от тюленьих клыков мстящей за сына Фетиды, или повиснешь нагая в ветвях на Родосе, или тихо угаснешь в Ферапне на окраине Спарты, я точно не знаю и знать не хочу, мне, по правде сказать, все равно. Потому что — внимательно слушай, Елена, об этом

не скажут тебе ни мудрецы, ни пророки, ни ваши лукавые боги — наша смерть, вернее то, что кажется смертью, происходит не с нами, а с другими людьми, ненадолго задержавшимися на земле, чтобы лить слезы, заламывать руки, посыпать головы пеплом, пировать, заливая вином свое горе и страх, пока мы, отвернувшись от них, продолжаем идти по дороге, золотой, как свет моих глаз, где прямо сейчас, этой ночью, отражается солнце, которое завтра взойдет, хочешь ты того или нет.

ГЭШЕЧКА

Когда после испытательного срока подписал контракт аж на пять лет, первым делом решил сменить квартиру. Всегда хотел жить поближе к центру.

Самое смешное, что, оказывается, давным-давно мог бы переехать: мансарда в Старом городе стоила примерно столько же, сколько его бывшая квартира у черта на куличках. Ну, правда, площадь поменьше. И студия — то есть без отдельной кухни, просто плита и раковина в углу. И ванны тоже нет, только душ. Ай, да плевать. Зато самый настоящий работающий камин и целых два окна. И наверху маленькая каморка-кладовая, через которую можно вылезти на крышу. Впрочем, заранее был уверен, что ни за что туда не полезет: высоты боялся с детства. И никакие психологи не помогли, хотя одно время очень старался избавиться от этого страха.

Потом забил.